

Содержание

Константин Лаппо-Данилевский. Неосуществленное издание книги И. И. Виноградова «Анакреон и Сафо. С присовокупление всенощных праздников Венеры и других стихотворений»	3
Ольга Макаревич. Педагогическая цензура Министерства народного просвещения и первые издания Комитета грамотности: Эпизод из истории «народной» литературы	16
Александра Пахомова. М. А. Кузмин в Петроградском отделении Всероссийского Союза поэтов	35
Александр Кобринский. Об одном кузминском следе в записных книжках Даниила Хармса	55
Всеволод Зельченко. Три маргиналии к прозе Павла Муратова	70
Григорий Утгоф. «Я иду по дорогѣ одинѣ»: Из заметок о текстологии романа В. Набокова-Сирина «Подвиг» / «Glory»	81
Роман Тименчик. К биографии Осипа Мандельштама: 1937 год	92
Олег Лекманов. «Все эти туристические впечатления не трогали моей души...». «Алмазный мой венец» В. П. Катаева: Из дополнений к комментарию	107
Тираж 500 экз.	

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ISSN 2587-8190

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2019 XV (1)

Летняя школа по русской литературе

2019 (1)

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnââ škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2018

© «Летняя школа по русской литературе», 2018

Contents

Konstantin Lappo-Danilevsky. Ivan Vinogradov's Unpublished Book Anacreon and Sappho, with the Addition of "The Vigil of Venus" and Other Poems.	3
Olga Makarevich. The Pedagogical Censorship of the Ministry of National Education and the First Editions of the Committee for Literacy: An Episode from the History of "Mass" Literature	16
Alexandra Pakhomova. Mikhail Kuzmin in the Petrograd Branch of the All-Russian Union of Poets	35
Alexander Kobrinsky. A Kuzminian Subtext in Daniil Kharm's Notebooks	55
Vsevolod Zelchenko. Three Marginalia to Pavel Muratov's Prose.	70
Grigori Utgof. "I Walk Along the Road Alone". A Textological Note on Vladimir Nabokov's Podvig (Glory).	81
Roman Timenchik. Towards the Life Story of Osip Mandel'shtam: 1937.	92
Oleg Lekmanov. "All These Tourist Experiences did not Touch my Soul" (Some Additions to Annotations to Valentin Kataev's My Diamond Crown).	107

Editorial Board:

Alexey Balakin, Elena Glukhovskaya,

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),

Olga Makarevich, Alexandra Pakhomova, Alexandra Chaban

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.

Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ОЛЬГА МАКАРЕВИЧ
(Санкт-Петербург)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЦЕНЗУРА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ПЕРВЫЕ ИЗДАНИЯ КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ

Эпизод из истории «народной» литературы

В статье излагается история выхода в свет первых изданий для «народа», подготовленных Комитетом грамотности при Вольном экономическом обществе. Сопоставляются критерии выбора книг для «народного» чтения Комитетом грамотности и критерии оценки таких изданий особым отделом Ученого комитета Министерства народного просвещения. Публикуются отзывы сотрудников этого отдела, В. Г. Авсеенко и Н. С. Лескова, на сказку С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» и святочный рассказ Д. В. Григоровича «Прохожий».

Ключевые слова: институциональная история русской литературы, Комитет грамотности при Вольном экономическом обществе, особый отдел Ученого комитета Министерства народного просвещения, рецензия, Н. С. Лесков, В. Г. Авсеенко, Д. В. Григорович, С. Т. Аксаков.

Информация об авторе: Ольга Владимировна Макаревич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: philologolga@gmail.com

The Pedagogical Censorship of the Ministry of National Education and the First Editions of the Committee for Literacy

An Episode from the History of Literature for “people”

The article reviews the history of the first publications for the «people» prepared by the Committee of Literacy at the Free Economic Society. The criteria for selecting books «for popular reading» by the Committee of Literacy and the criteria for evaluating such publications by the Academic Committee of the Ministry of National Education are compared. Reviews by the staff of this department, V. G. Avseenko and N. S. Leskov, on S. Aksakov’s fairy tale «The

Scarlet Flower» and the Christmas story by D. V. Grigorovich «Passerby» are published.

Keywords: institutional history of Russian literature, Committee of Literacy at the Free Economic Society, Academic Committee of the Ministry of Public Education, review, N. S. Leskov, V. G. Avseenko, D. V. Grigorovich, S. T. Aksakov.

About the author: Olga Makarevich, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: philologolga@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2019-15-1-16-34

Основной задачей особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения с 1860-х годов становится контроль за книгами, предназначенными для учебного и внеклассного чтения и для «народных» и школьных библиотек и читален. Так возникает своего рода библиотечно-педагогическая цензура,¹ не нацеленная на то, чтобы изъять книгу из обращения вообще, а направленная на то, чтобы предотвратить ее распространение в определенных социальных слоях.

Одновременно в пореформенный период возникают общественные организации, ставящие перед собой просветительские цели: Общество распространения полезных книг, Московский Комитет грамотности при Московском Обществе сельского хозяйства, Санкт-Петербургский Комитет грамотности при Императорском Вольном экономическом обществе, Харьковское Общество распространения в народе грамотности и др. Несмотря на сходство просветительских целей Ученого комитета Министерства народного просвещения и перечисленных организаций (распространение грамотности, популяризация знаний и т. п.), издания, подготовленные различными обществами, нередко признавались особым отделом Ученого комитета неудовлетворительными и не допускались к употреблению в школах, в народных библиотеках и читальнях.

¹ О педагогической цензуре подробнее см.: *Банк Б. В.* Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969; *Блюм А. В.* Цензурная регламентация репертуара массового чтения в России (конец XIX — первая половина XX вв.) // Библиотеки и чтение в ситуации культурных изменений: Материалы Международной конференции. Вологда, 1996. С. 23–37, и др.

А. В. Блюм замечает: «Основные мотивы запрещений: „несоответствие произведения духовным потребностям детей и народа“ (характерно, что между ними ставился знак равенства), „изображение страданий“, „уныние“, „отсутствие положительных начал“ и т. п.».¹ Однако стоит ли настолько однозначно расставлять акценты? Действительно ли критическая позиция Ученого комитета Министерства народного просвещения основывалась исключительно на консервативных идеологических взглядах? Не претендуя на полноту освещения данного вопроса (что совершенно невозможно в рамках статьи), остановимся лишь на одном, казалось бы, малозначительном эпизоде отношений между Санкт-Петербургским Комитетом грамотности, состоящим при Императорском Вольном экономическом обществе, и особым отделом Ученого комитета Министерства народного просвещения.

* * *

Санкт-Петербургский Комитет грамотности при Вольном экономическом обществе был учрежден в 1861 году с целью «содействовать поддержанию и распространению грамотности в среде простого народа».² Задачи Комитета были сформулированы на его третьем заседании Ф. Г. Толлем:

Направление народной литературы к полезным и нравственным целям возможно посредством:

а) Издания дешевых народных книг реального и биографического содержания. Биографии лучше всяких рассуждений о морали, которые скучны и большею частью недоступны народу, содействуют усвоению им нравственных принципов. Все отвлеченное бесплодно для народа, потому что чуждо его способа усвоения всего воображением.

б) Издания для народа отдельных сочинений образцовых русских писателей, напр<имер>, «Капитанской дочки», «Повестей Белкина», каждой отдельно и т. п.

в) Устройство артели офеней, которым поставлено было бы в обязанность распространять исключительно издания, одобренные Комитетом.

¹ Блюм А. В. Педагогическая цензура // Открытый текст: Электронное периодическое издание. Электронный ресурс: <http://opentextnn.ru/censorship/?id=3059> (дата обращения 30.04.2019).

² Цит. по: *Фан-дер-Флит Н. Ф., Кочетов А.* [Предисловие] // Григорич Д. В. Прохожий: Святочный рассказ. СПб., 1880. С. 2 обл.

г) Издание листка Комитета, который указывал бы книгопродавцам и всем интересующимся распространением грамотности на сочинения, которых распространению необходимо содействовать, и на такие, которых продажу, для блага народа, необходимо подавлять.¹

Однако по финансовым причинам — бюджет Комитета складывался из членских взносов и добровольных пожертвований — деятельность Общества сводилась в первую очередь к распространению книг, а также составлению «Систематических обзоров русской народно-учебной литературы».²

Только в 1879 году Комитет смог приступить к самостоятельному выпуску подходящих, по его мнению, для «народного» чтения книг. Начало книгоиздательской деятельности было положено Н. Ф. Фан-дер-Флитом (1840–1896) — выпускником Лицея, действительным статским советником, чиновником по особым поручениям при Министерстве финансов, казначеем Православного Палестинского общества, директором Русского общества пароходства и торговли.³ Он пожертвовал для этой цели в пользу Комитета 500 руб., следом за чем была выбрана комиссия, которая занялась переговорами с авторами, типографиями и литографиями. Замысел комиссии был следующим: «По первоначальной идее предполагалось

¹ Цит. по: *Свешникова А. С.* Петербургский Комитет грамотности: (Очерк его деятельности). СПб., [1887]. С. 2–3. Стоит отметить, что выказанные положения во многом отвечали взглядам особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения. Так, Н. С. Лесков в своих рецензиях, написанных в период службы в Ученом комитете, неоднократно останавливался на том, какую важную роль в «деле народного воспитания» играют жизнеописания святых и биографии великих людей (см. об этом, например, в его рецензии на *Жизнеописание митрополита Макария: Макаревич О. В.* «Такое умное и характерное лицо не может всем одинаково нравиться...»: *Неизвестный отзыв Н. С. Лескова на книгу о митрополите Макарии (Булгакове) // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 2–3. С. 214–229*), а также сетовал на то, что золотой фонд русской классики не входит в круг изданий для «народного» чтения. Следом за Комитетом грамотности Ученый комитет также стал издавать каталоги книг, разрешенных для народных и школьных библиотек и читален.

² Подробнее см.: *Миропольский С. С.* Петербургский Комитет грамотности, состоящий при Императорском Вольном экономическом обществе (1861–1881). СПб., 1881. С. 9 и след.

³ Подробнее о нем см.: *Хитрово В. Н.* Николай Федорович Фан-Дер-Флит по личным воспоминаниям. СПб., 1897.

выпустить серию в 30 произведений, из которых первые десять должны были быть беллетристического содержания, вторые — хозяйственного, а третьи — технического».¹ Но на проверку оказалось, что реализовать возможно лишь первую часть замысла: найти подходящих для «народного» чтения «хозяйственных» и «технических» сочинений членам Комитета грамотности не удалось. Первыми самостоятельно изданными книгами стали сказка С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» и святочный рассказ Д. В. Григоровича «Прохожий».²

* * *

Излагая в 1898 году историю Санкт-Петербургского Комитета грамотности, Д. Д. Протопопов отмечал, что, пытаясь получить одобрение особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения, первый нередко встречал «самые неожиданные стеснения и даже порой <...> литературные выговоры за содержание изданных им произведений». Перечисляя отдельные книги, не допущенные особым отделом в «народные» школы («Постоялый двор» И. С. Тургенева, «Батрачка» Т. Г. Шевченко, «Злодей и Петька» А. Ф. Погосского, «Чем люди живы» Л. Н. Толстого, «Назарыч» А. Г. Коваленской и др.), Протопопов так изложил свое видение ситуации:

В некоторых случаях Комитету сообщались и мотивы неодобрения. Но о «Постоялом дворе» сведения были добыты, вероятно, стороной, так как в ответ Министерства народного просвещения вложена бумажка, на которой рукой Фан-дер-Флита написано: «„Постоялый двор“ не одобрен по содержащимся в этой книге сценам *скабрезного* характера». Впервые узнал отсюда Комитет о этом доголе никому не известном свойстве произведений Тургенева. «Два старика» (Л. Н. Толстого. — *О. М.*) не одобрены «ввиду того, — сказано в официальной бумаге, — что рассказ „Два старика“ может дать повод к ложным толкованиям». «Назарыча» постигла та же участь вследствие «неудовлетворительности изложения». Не одобряя «Суд людской и Божий» (авторами

¹ Протопопов Д. Д. История С.-Петербургского Комитета грамотности, состоявшего при Императорском Вольном экономическом обществе (1861–1895). СПб., 1898. С. 210.

² См.: Свешникова А. С.-Петербургский Комитет грамотности. С. 7; Протопопов Д. Д. История С.-Петербургского Комитета грамотности... С. 208 и след.

книги значатся А. Ф. Погосский и А. Г. Полисадов. — О. М.), Министерство препроводило выписку из журнала заседания, рассматривавшего книгу. Особый отдел выражает недовольство темой рассказа — положением крестьянской женщины, нелюбимой мужем, оскорбляемой свекром и мучимой ими обоими. «Кажется, дальше бы и читать нечего, — говорит официальный критик, — при (?) выборе материала для народных изданий, но г. г. издатели предпочитают еще снабжать народные школы такую пищу». Относительно <...> рассказа «Суд Божий» особый отдел находит, что введение к нему написано «весьма бестактно». Неуместно теперь, при отсутствии крепостного права, говорить детям «о нравах и суровых и злобных привычках и неразумной жестокости нашего подневольного времени».¹

С одной стороны, претензии Д. Д. Протопопова действительно репрезентируют позицию министерской критики, ставившей во главу угла благонамеренность и морализаторскую направленность содержания и не допускавшей ничего, что способно даже отдаленно «смущать умы простонародья» и намекать на «вольномыслие». С другой, подобранный автором перечень явно тенденциозен и не отражает иных предъявлявшихся особым отделом Ученого комитета требований к литературе «для народа», среди которых не последнее место занимают такие критерии, как простота и ясность языка, художественные достоинства книги, аккуратность корректуры и просто «педагогическая польза».

Одним из активных участников работы Комитета грамотности в 1860–1870-е годы был А. Ф. Погосский,² который имел чрезвычайную популярность и стремился распространять свои книги в том числе и через Комитет. При этом его произведения неоднократно представлялись в особый отдел Ученого комитета, но редко получали одобрение. Большая часть книг Погосского была отрецензирована Н. С. Лесковым. Основной акцент в его отзывах ставился на том, что сюжет

¹ Протопопов Д. Д. История С.-Петербургского Комитета грамотности... С. 212–213.

² Отметим особо, что после смерти писателя в 1874 году Комитет грамотности собрал средства на его памятник, а позднее учредил медаль «в память» «народного писателя», вручавшуюся «в награду и поощрение за лучшие беллетристические сочинения для народного чтения» (*Миропольский С. С.-Петербургский Комитет грамотности... С. 18*).

и стиль представленных книг хороши и понятны солдатам, которым адресовал свои произведения Погосский, известный современникам прежде всего как «солдатский писатель», но неуместны в школах и не пригодны для детского чтения. Например, оценивая пьесу «Чему быть того не миновать, или Не по носу табак», Лесков замечает: «Названная пьеса имеет свои достоинства как простонародное представление, особенно если его будут разыгрывать солдаты, для которых оно, очевидно, и писано, но для чтения в детском возрасте книжка эта неудобна, как большинство сочинений этого автора».¹ Ср.: «<Редактор придал> солдатскому рассказу литературную форму и особенный мало соответствующий содержанию язык и разухабистую развязность, до которой простой человек себя на пере не допускает» (из рецензии на книгу «Пять лет в плену у ташкентцев: Рассказ сибирского казака»);² «О художественности повести <...> я считаю излишним распространяться, но кратко скажу, что, по-моему, ее нет, равно как нет у автора ни знания языка да мало заметно знания и самой народной русской жизни. Язык у него забубенный, на солдатский лад перековерканный <...>. В патетических же местах язык напыщенный...» (из отзыва на повесть «Посестра Танька»);³ «Язык местами отдаёт довольно неприятною подделкою под просторечие, вследствие чего является какое-то кривлянье, местами даже затемняющее смысл» (о книжке «Суходольщина»),⁴ и т. д. Заметим также, что до Лескова, приступившего к работе в Ученом комитете в 1874 году, отрицательные отзывы на книги Погосского были даны также и Т. А. Маевским.

Из приведенных примеров видно, что причина министерского неодобрения кроется не столько в «скабрёзности» или «неудовлетворительности темы», сколько в отсутствии

¹ РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 31. С. 530–531 (отзыв прочитан на заседании 2 августа 1876 года).

² Там же. Ед. хр. 26. С. 433 (отзыв прочитан на заседании 7 мая 1874 года; опубли.: *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2016. Т. 13. С. 373).

³ РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 31. С. 445 (отзыв прочитан на заседании 21 июня 1876 года).

⁴ Там же. С. 447 (отзыв прочитан на заседании 21 июня 1876 года).

у произведений Погосского каких-либо художественных достоинств. Поэтому представляется совершенно логичным, что, приступая к самостоятельному изданию книг, Комитет грамотности попытался выбрать такие сочинения, которые бы с большой долей вероятности смогли избежать министерских придирок, но которые в то же время отвечали представлениям деятелей этой организации о том, что должно читать «простому народу» и «доступно» ему «по содержанию».

* * *

Как первый номер среди изданий Комитета грамотности была помечена сказка С. Т. Аксакова «Аленький цветочек».¹ Сразу после выхода в свет в 1858 году² сказка приобрела популярность прежде всего благодаря тому, что стала восприниматься в рамках устной народно-поэтической традиции и вполне отвечала существовавшему тогда в обществе интересу к жанру сказки, как авторской, так и народной.³ Высказывания самого С. Т. Аксакова, утверждавшего, что французская сказка де Бомон (de Beaumont) не была ему известна, вполне соответствовали легенде о народном происхождении сюжета: «...я пишу сказку, которую в детстве знал наизусть и рассказывал на потеху всем со всеми прибаутками сказочницы Пелагеи. Разумеется, я совсем забыл о ней; но теперь, роясь в кладовой детских воспоминаний, я нашел во множестве разного рода хлама кучу обломков этой сказки <...> Я принялся реставрировать эту сказку».⁴

Рассмотрение книжки в особом отделе Ученого комитета Министерства народного просвещения было поручено

¹ Аксаков С. Т. Аленький цветочек: Сказка. СПб., 1880.

² Опубликована как приложение к книге: Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением Семейной хроники С. Аксакова. М., 1858.

³ См.: Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы. М., 2016. С. 34. (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. CLV).

⁴ Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 630 (из письма к И. С. Аксакову от 23 ноября 1856 года). О возможных источниках сюжета и параллелях в мировом фольклоре см.: Бегунов Ю. К. Источники сказки С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» // Русская литература. 1983. № 1. С. 179–187.

В. Г. Авсеенко. Отзыв был кратким: пересказав сюжет, сотрудник объяснил, в чем, по его мнению, заключается мораль сказки, и коротко остановился на особенностях языка («с сохранением оттенков народной сказочной речи»). Хотя в целом позиция особого отдела Ученого комитета сводилась к тому, что язык изданий «для народа» должен быть простым и ясным (осуждалось стремление авторов «подстроиться» под балагурство и «шутовские» интонации), подобная художественная стилизация возражений не вызвала.

Ниже приводится отзыв В. Г. Авсеенко по копии из Журнала заседаний особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 42). Текст приводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. В квадратных скобках приведены фрагменты Журнала, не принадлежащие автору рецензии, но необходимые для понимания контекста.

[Слушали (ст. IV): мнение члена *Авсеенко* о книге: *Аленький цветочек*. Сказка. *С. Т. Аксакова*. Издание Комитета грамотности. С. Пб. 1880 г. Цена 10 коп.]

Названная сказка, перепечатанная из книги С. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», не принадлежит перу покойного Аксакова, как неправильно указывает Комитет грамотности, а записана им со слов ключницы Пелагеи. Содержание ее можно передать вкратце таким образом. Некий богатый купец, отправляясь по торговым делам в дальний путь, спрашивает трех дочерей своих, какого гостинцу им привезти? Младшая, самая любимая и красивая дочь, просит привезти ей аленький цветочек, краше которого во всем мире нет. Купец, окончив все свои дела и достав гостинцы старшим дочерям, никак не может исполнить просьбу меньшей дочери. Много он видел прекрасных аленьких цветочков, но кто поручится, что краше их на свете нет? На обратном пути он попадает в заколдованный лес, посередине которого находится волшебный дворец. Во дворце никого нет, но невидимые слуги растворяют двери и подают купцу роскошное угощение. В саду он находит аленький цветочек, такой прелестный, что подобного ему он не видывал. Он срывает его для своей любимой младшей дочери, но в ту же минуту появляется хозяин дворца, страшное и безобразное чудовище, и хочет предать купца лютой смерти. Единственным условием спасения он ставит, чтоб одна из дочерей купца явилась жить в заколдованном дворце. Огущенный на чест-

ное слово, купец возвращается домой и предлагает дочерям спасти его. Старшие отказываются, соглашается младшая. Волшебная сила переносит ее во дворец, вид чудовища сначала поражает ее ужасом, но мало-помалу, видя его любовь, угодливость и скромность, она привыкает к нему. Сказка оканчивается превращением чудовища в прекрасного королевича, который женится на своей пленнице, умевшей полюбить его, когда он носил образ страшного чудовища.

Отсюда видна мораль сказки, выраженная в замысловатой и искусно развивающейся фабуле. Ум и художественный вкус покойного Аксакова ненапрасно остановились на этом произведении народной фантазии, и нельзя не признать выбор Комитета грамотности довольно удачным.

Сказка записана с сохранением оттенков народной сказочной речи, например, двойных гласных в родительных падежах: заморских, драгоценных камениев и пр. Чего-либо простонародно-грубого и оскорбительного для детского чувства в сказке нет. К книжечке приложены очень недурные оригинальные рисунки Панова.

Я полагаю, что книжку «Аленькой <так!> цветочек» можно одобрить для ученических библиотек народных школ и вообще низших учебных заведений, а равно и средних учебных заведений, мужских и женских, для младшего возраста.

[*Определено*: Согласиться с мнением г. Авсеенко, о чем и представить на благоусмотрение г. управляющего Министерством народного просвещения].

* * *

Вторым изданием Комитета грамотности, вышедшим одновременно со сказкой Аксакова и одновременно же представленным на рассмотрение особого отдела Ученого комитета, был рассказ Д. В. Григоровича «Прохожий». И если первая книга была безоговорочно одобрена, то вторая, хоть и получила допущение в библиотеки народных школ, стала объектом более пристального внимания и была воспринята гораздо более неоднозначно.

Современники считали Григоровича автором рассказов «из народного быта» и оценивали именно с этой точки зрения, хотя сами оценки могли быть совершенно противоположными. Так, В. П. Острогорский отмечал: «К числу бытовых народных картин, с тем же идиллическим семейным характером, относятся <...> „Прохожий“ <...> — рассказ

о том, как бедняк крестьянин Алексей пустил к себе ночевать какого-то больного старика, который в награду за радушное гостеприимство перед смертью завещал ему клад <...> В <...> рассказе изображается, собственно, не что иное, как избитое в детских повестях вознаграждение добродетели и честной бедности; но не на эту случайную награду должно быть обращено внимание читателя. <...> Целый ряд народных обычаев: выбрасывание хлебных зерен из рукава ребятишками, подбор этих зерен хозяйкой для будущего урожая, ряжение девок и парней, колядские песни под окном, обряд „смывания лихоманки“, дающий повод представить тип знахарки, гадание девицы под окном, шутки и проказы ряженой молодежи на улице и вечеринка у старосты. Все это дает много материала этнографического, за коим выступают резко очерченные народные характеры <...> Эти <...> сцены написаны искусно и тепло». ¹ При этом А. А. Григорьев высказывал резко отрицательное мнение: «...самые талантливые из них, каковы произведения г. г. Тургенева и Григоровича, не чужды неправильного отношения к действительности <...> в их приемах при изображении народного быта (не говоря уже о языке, которым тот и другой владеют далеко не свободно), много еще искусственного и ложного, что иногда они как будто изыскивают в крестьянской жизни такие черты, которые напоминали бы собою жизнь цивилизованную и, так сказать, возвышали бы простолюдина до образованного человека». ²

Автором отзыва особого отдела Ученого комитета на рассказ Д. В. Григоровича «Прохожий» стал Н. С. Лесков — его отношение к «простонародному» писателю, впрочем, уже отошедшему от активной литературной деятельности в 1870-е

¹ Цит. по: *Острогорский В. П.* Светлые и темные стороны жизни крестьянина-пахаря по сочинениям Григоровича: «Пахарь», «Четыре времени года», «Кошка и мышка», «Светлое Христово воскресение», «Мать и дочь» и «Бобыль» // Дмитрий Васильевич Григорович. Его жизнь и сочинения: Сб. историко-литературных статей / Сост. В. Покровский. М., 1905. С. 53.

² *Григорьев А. А.* Русская изящная литература в 1852 году // «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подг. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, А. С. Федотов. СПб., 2015. С. 290–291.

годы, можно охарактеризовать как ироническое. Например, в очерках 1863 года «Русское общество в Париже» Лесков замечал: «По-моему, пейзажи Григоровича не только гораздо поэтичнее, но и гораздо живее, чем сахарные добродетельные мужички Небольсина, или дураки Успенского, или ядовитые халдеи Левитова...».¹ Несмотря на то, что оценка кажется положительной («поэтичнее» и «живее»), именование крестьян «пейзажами» фактически прямо говорит о неправдоподобности и излишней сентиментальности в описании крестьянского быта. Схожего критического замечания удостоилась и авторская манера письма: «...все это рассказано тем деланным искусственным простонародным языком, который критикою справедливо ставился в укор этому писателю. Язык этот неприятен и для читателя, знакомого с русскою простонародною речью, бестолков...».²

Чтобы дать оценку рассказу «Прохожий», Лесков отталкивается от его жанрового обозначения — *святочный* (заметим в скобках, что писатель считал синонимичными обозначения *рождественский* и *святочный* рассказ³). Во второй половине XIX века произведения этого жанра заняли значимую нишу в массовой литературе, став чрезвычайно читаемыми и популярными (по-видимому, именно *популярность жанра* была значима и для Комитета грамотности при выборе книг для самостоятельного издания). Сопоставляя произведение Григоровича с образцом — рождественскими

¹ Лесков Н. С. Русское общество в Париже (1863 г.): Очерки в письмах к редактору журнала // Полн. собр. соч. Т. 3: Сочинения 1862–1864. С. 207.

² Лесков Н. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 409–410 (из рецензии на рассказ Д. В. Григоровича «Крепкий старик», прочитанной на заседании особого отдела Ученого комитета 17 декабря 1874 года).

³ О жанре рождественского рассказа в творчестве Н. С. Лескова, см. подробнее: *Зенкевич С. И.* Жанр святочного рассказа в творчестве Н. С. Лескова: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005; *Кучерская М. А.* Русский святочный рассказ и проблема канона в литературе нового времени. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997; *Кретьева А. А.* «Будьте совершенны...»: (Религиозно-нравственные искания в святочном творчестве Н. С. Лескова и его современников). М.; Орел, 1999; *Калениченко О. Н.* Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX — начала XX века (святочный и пасхальных рассказы, модернистская новелла). Волгоград, 2000.

рассказами Ч. Диккенса, — Лесков указывает на отсутствие одного из основных сюжетобразующих элементов — мотива чуда как подлинной доброты, приводящей к духовному перерождению персонажа.¹ Чудесное обретение богатства главным героем не получает сюжетной мотивировки («довольство в доме является не плодом трудолюбия и доверия со стороны людей, понявших и оценивших добрые свойства парня, а довольство это принесено случаем чужой „кубышкой“»), не становится новеллистической пуантой. Отсутствует в произведении и образ рассказчика, чья точка зрения не совпадает с авторской. По сути, маркерами жанра остаются только временная приуроченность рассказа к Васильеву вечеру, описание суровой зимы и сцен народного праздника. Претендующие на таинственность эпизоды, где из метели появляется больной и замерзающий нищий старик и пугает сначала колядующую молодежь, а затем празднующих в доме старосты, также не несут сюжетной нагрузки. Именно это и было, видимо, обозначено в отзыве Лескова кратким примечанием о том, что самому «прохожему» посвящено всего восемь страниц. Несоблюдение сюжетной структуры святочного рассказа ведет и к разрушению его смысла. Мотив чуда позволял писателям поставить акцент на народных представлениях о праведности и мирской святости, дать «доброе направление» мыслям читателя.² В «Прохожем» же остается лишь рассказ «кстати», анекдот, который, будучи лишен чудесного, лишается и морализаторского, нравственного содержания, а соответственно, произведение не наделено «подлинным христианским» смыслом.

¹ В русском святочном рассказе второй половины XIX века мотив чуда также был переосмыслен. Элемент сверхъестественного и мистического («всякой чертовщины») получает реалистическое толкование, а чудо приобретает иные функции. Ср.: «Из этих рассказов только немногие имеют элемент *чудесного* — в смысле сверхчувственного и таинственного. В прочих причудливое и загадочное <...> истекает из свойств русского духа и тех общественных веяний, в которых для многих <...> заключается значительная доля странного и удивительного» (*Лесков Н. С.* Предисловие [к «Святочным рассказам»] // Собр. соч.: В 12 т. М., 1989. Т. 7. С. 440).

² См.: *Старыгина Н. Н.* Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1992. Вып. 2: Художественные и научные категории. С. 113–127.

Высказав претензии не только к жанровым особенностям рассказа, но и к языку, которым он написан, Лесков отказался принимать решение об одобрении книги, руководствуясь прежде всего отсутствием у сочинения Григоровича художественных достоинств. Однако коллегиальное заключение особого отдела Ученого комитета было иным: «Прохожий» был допущен в народные библиотеки.

Ниже публикуется отзыв Н. С. Лескова на книгу Д. В. Григоровича «Прохожий» по копии из Журнала заседаний особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 42).

[*Слушали* (ст. III): мнение члена Лескова о книге: *Прохожий*. Святочный рассказ. Сочинение Д. В. Григоровича. Издание С. Пб. Комитета грамотности. С. Пб. 1880. Цена 10 коп.]

Брошюра эта прислана к нам при отношении Комитета грамотности от 29 декабря 1880 г. за № 189, с просьбою «включить этот рассказ в число изданий, одобренных Министерством для употребления в народных школах».

Рассказ «Прохожий», написанный г. Григоровичем, состоит из сцен русского народного быта, связанных в одну группу около анекдотического случая, послужившего автору темой для всего сочинения. Анекдот этот, если и не русского изначально происхождения, то давно уже обрусел и может считаться народным и потому очень известным.¹ Дело в том, что в зимний, студеный, непогожий вечер ходит по селу незнакомый странник и просится обогреться и переночевать. Богатые люди пируют — у них тесно, да им не недосужно, они не пускают прохожего; но на селе нашелся один бедный парень, который его пустил и приютил. Странник ночью умирает и перед смертью открывает своему хозяину и его матери, что у него есть закопанная «кубышка». Он дарит им эту кубышку за их сострадание и умирает, а они становятся зажиточными людьми, и те, кто ими пренебрегали, начинают их уважать. Таково старинное предание, которым воспользовался Дм. Вас. Григорович, положив его в основу своего рождественского рассказа почти без перемен, только, так сказать, расписав его на лица. Но анекдота этого мало для рассказа, занимающего 79 страниц, и потому

¹ Сюжет рассказа Григоровича близок сюжету легендарной сказки 750В (Чудесный странник: не получает приюта у богатого мужика, ночует у гостеприимного бедняка (бедной вдовы), получает вознаграждение).

о «Прохожем» только вскользь упоминается в начале, да 2-3 раза до 63-й страницы, а весь эпизод с Прохожим занимает 8 страниц из 79 (с 63 по 71). Прохожий умирает, а его кубышка достается парню: тот женится на любимой девушке и живет. Морали, собственно говоря, нет, а все держится случайностью тем, что у старика была «кубышка». Довольство в доме является не плодом трудолюбия и доверия со стороны людей, понявших и оценивших добрые свойства парня, а довольство это принесено случаем чужой «кубышкой», и эта же кубышка влечет за собою разбогатевшему крестьянину общее расположение. Судя по истине, такое событие, возможное как случай, гораздо лучше и передавать кратко *как случай* же; но если его брать основным мотивом для повести и развивать, то здравые требования искусства обязывали бы дать нечто иное, в чем более проявилась бы душевная сторона людей добрых в их влиянии на людей более жесткого сердца. Такова преобладающая черта всех героев рождественских рассказов Диккенса, который высоко поставил и ввел в употребление этот род художественных произведений. Рассказ г. Григоровича в этом отношении далеко удаляется от образцов, которые дал нам Диккенс, образцов, в отступлении от коих рассказы сего рода свое морализующее значение теряют.

Потом, рождественские рассказы бывают приспособленные для детей и для взрослых. Иногда они могут быть интересны тем и другим, но в сем последнем случае они должны быть не только скромны, но даже чистоплотны, так чтобы ни предметы, ни образ мыслей и суждений, ни самый способ выражений не оскорбляли бы детского уха и сердца ни грубостью тона, ни довременностью открытий. Таковы общеустановившиеся и, конечно, основательные требования не только педагогики, но даже самой простой нравственности, которых не позволяют себе нарушать писатели, претендующие на чтение их произведений в детском кругу. Выполнены ли эти условия в рассказе «Прохожий»? На 17 стр. девушке говорят не «шаламберничать с ребятами»; 22) за дочкою «увивается»; 38) «Человек вертит левым глазом вокруг мельничихи», а потом сряду на 39 стр. «снова сосредоточивает их на мельничихе, которая переминалась на одном месте, как откормленная гусыня». На 40 стр. сам хозяин «осклабляет зубы на мельничиху», и на 44 пономарь обращает оба глаза на мельничиху, а потом один подталкивает мельничиху, которая повалилась всей своей тяжестью на сотского и притиснула длинные ноги пономаря. Такая игра глаз вокруг полной мельничихи и вообще всеобщее к ней напряжение удобно ли для объяснения детям, которых, вероятно, заинтересует это тяготение многих к одному

лицу? При конце книги (77) встречается пономарь с другою женщиною, а его «непокорные глаза окончательно разбежались», чему, по предположению автора, способствовала «белая коленкоровая рубашка, ловко обхватывающая грудь».

Ребенку, я думаю, все это довольно любопытно, но не все понятно. Верен <sic!> ли изображен деревенский быт? Дело идет о Святках, на «Васильев вечер»; крестьяне одни пируют, пьют и любят на мельничиху, другие, молодые, рядятся. Это, конечно, при рождественских холодах в срединной России, но между тем (32) «отворяют окно», чего даже и невозможно, ибо оно, конечно, замерзло. Но на 58 стр. это опять повторяется в другой избе, и тут окно даже «захлопывают». А на 32 баба отворила окно, да еще и сама из него по грудь высунулась. На 43 стр. мужик рассказывает, что он пришел на мельницу *помолотиться*, но на мельницах не молотят. На 36 стр. во время пьяного разгула вечером в избе «под образами горит восковая свечка». Во-<первы>х, надо бы сказать *пред* образами, а не «под», а во-вторых, крестьяне жгут восковые свечи, когда молятся, но при разгуле и кураже они этого никогда не делают. Тут есть какое-то врожденное чувство богочтителства, которое мешает им соединять несоединимое, «пьяные речи со свечою боговою». Эстетичен ли, чист ли и верен ли язык рассказа? Привожу и на это место моих суждений примеры: 7) «Рой молодых девок натискался в избу»; 8) «все пришипилась»; 14) «старый черт, черти, дьявола, на будущий год осиновый гроб»; 21) «баба ломливая», «голос захрипел, как у опоенной клячи» (самое сравнение неверно: у опоенной лошади хрипит *не* голос, а хрипы в легких); 37) «хозяин припас чем рот пополоснуть»; 42) «клевал носом корку пирога», «толмачите»; 44) «кровь запечаталась»; 54) Антон козу подгоняет — она хвостик поднимает»; 57) «охаверник»; 76) «Домна-то, чтоб ее черти ели»... Я напрасно бы перечислял все подобного рода шалости языка известного писателя, который много допустил их в этом рассказе. Самая же фабула между началом рассказа, когда «Прохожий» идет, и перед ним (2) летят «снежные хлопья, несомые лютою мятельною <так!>», до прихода его (63 стр.) описание крестьянской гулянки, пира, хождения ряженных, гаданья. Критика некогда находила это прекрасным и народным, так же, вероятно, находит это и Комитет грамотности, сделавший на свой счет издание «Прохожего». Впрочем, литературные достоинства произведений Д. В. Григоровича, конечно, известны каждому из г. г. членов. Народные повести Григоровича пользуются успехом. Что же касается педагогической пригодности этой книги, то я и на этот счет почтительнейше прошу Ученый комитет обсудить это коллегиально.

[*Определено*: по выслушании изложенного мнения и по рассмотрении самой книги, экземпляры которой предварительно были сообщены всем членам особого отдела для ознакомления, — книгу «Прохожий» допустить в библиотеки народных училищ, о чем и представить на благоусмотрение г. управляющего Министерством народного просвещения].

* * *

Попробуем подвести некоторые итоги. Выбирая книги для народного чтения, Комитет грамотности исходил из принципа популярности и занимательности. По его мнению, беллетристические произведения должны увлекать народ и отвечать его вкусам, привычкам, интересам. Можно предположить, что такая позиция сформировалась и закрепилась во второй половине 1870-х годов, когда Комитет активно занимался комплектованием библиотек для солдатских госпиталей во время русско-турецкой войны. Так или иначе, но стилизованная, переполненная намеренными ошибками, условно «народная» речь, неоднозначные шутки и намеки не казались деятелям Комитета грамотности неуместными и недопустимыми в «народных книгах». Иначе говоря, ими не ставился знак равенства между морализаторством, тенденциозностью и народной литературой.

Особый отдел Ученого комитета Министерства народного просвещения во главу угла ставил воспитательные и просветительские цели, из-за чего им и рассматривались по одинаковым критериям книги для детского и для «простонародного» чтения. Литература «для народа», по мнению официального учреждения, должна была служить воспитанию, с одной стороны, нравственности, базирующейся на христианских началах, а с другой, художественного и эстетического «вкуса». Используя метафору Лескова, можно сказать, что Ученый комитет пытался превратить русских крестьян в грамотных и безусловно нравственных «пейзанов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969.
2. Бегунов Ю. К. Источники сказки С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» // Русская литература. 1983. № 1. С. 179–187.

3. *Блюм А. В.* Педагогическая цензура // Открытый текст: Электронное периодическое издание. Электронный ресурс: <http://opentextnn.ru/sensorship/?id=3059> (дата обращения 30.04.2019).
4. *Блюм А. В.* Цензурная регламентация репертуара массового чтения в России (конец XIX — первая половина XX вв.) // Библиотеки и чтение в ситуации культурных изменений: Материалы Международной конференции. Вологда, 1996. С. 23–37.
5. *Григорьев А. А.* Русская изящная литература в 1852 году // «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / Изд. подг. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, А. С. Федотов. СПб., 2015. С. 285–328.
6. *Зенкевич С. И.* Жанр святочного рассказа в творчестве Н. С. Лескова: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
7. *Калениченко О. Н.* Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX — начала XX века (святочный и пасхальных рассказы, модернистская новелла). Волгоград, 2000.
8. *Кротова А. А.* «Будьте совершенны...»: (Религиозно-нравственные искания в святочном творчестве Н. С. Лескова и его современников). М.; Орел, 1999.
9. *Кучерская М. А.* Русский святочный рассказ и проблема канона в литературе нового времени. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.
10. *Макаревич О. В.* «Такое умное и характерное лицо не может всем одинаково нравиться...»: Неизвестный отзыв Н. С. Лескова на книгу о митрополите Макарии (Булгакове) // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 2–3. С. 214–229.
11. *Старыгина Н. Н.* Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1992. Вып. 2: Художественные и научные категории. С. 113–127.
12. *Хеллман Б.* Сказка и быль: История русской детской литературы. М., 2016. (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. CLV).

REFERENCES

1. *Bank B. V.* Izuchenie chitatelej v Rossii (XIX v.). M., 1969. (In Russ.)
2. *Begunov Yu. K.* Istochniki skazki S. T. Aksakova «Alen'kij tsvetochek» // Russkaya literatura. 1983. № 1. S. 179–187. (In Russ.)
3. *Blyum A. V.* Pedagogicheskaya cenzura // Otkrytyj tekst: Elektronnoe periodicheskoe izdanie. URL: <http://opentextnn.ru/sensorship/?id=3059>
4. *Blyum A. V.* Cenzurnaya reglamentaciya repertuara massovogo chteniya v Rossii (konets XIX — pervaya polovina XX vv.) // Biblioteki

- i chtenie v situacii kul'turnyh izmenenij: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii. Vologda, 1996. S. 23–37. (In Russ.)
5. *Grigor'ev A. A.* Russkaya izyashchnaya literatura v 1852 godu // «Sovremennik» protiv «Moskvityanina»: Literaturno-kriticheskaya polemika pervoj poloviny 1850-h godov / Izd. podg. A. V. Vdovin, K. Yu. Zubkov, A. S. Fedotov. SPb., 2015. S. 285–328. (In Russ.)
 6. *Zenkevich S. I.* Zhanr svyatochnogo rasskaza v tvorchestve N. S. Leskova: Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. SPb., 2005. (In Russ.)
 7. *Kalenichenko O. N.* Sud'by malyh zhanrov v russkoj literature kontca XIX — nachala XX veka (svyatochnyj i paskhal'nyj rasskazy, modernistskaya novella). Volgograd, 2000. (In Russ.)
 8. *Kretova A. A.* «Bud'te sovershenny...»: (Religiozno-nravstvennye iskanija v svyatochnom tvorchestve N. S. Leskova i ego sovremennikov). M.; Orel, 1999. (In Russ.)
 9. *Kucherskaya M. A.* Russkij svyatochnyj rasskaz i problema kanona v literature novogo vremeni. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. M., 1997. (In Russ.)
 10. *Makarevich O. V.* «Takoe umnoe i harakternoe litso ne mozhet vsem odinakovo nravit'sya...»: Neizvestnyj otzyv N. S. Leskova na knigu o mitropolite Makarii (Bulgakove) // Letnyaya shkola po russkoj literature. 2018. T. 14. № 2–3. S. 214–229. (In Russ.)
 11. *Sarygina N. N.* Svyatochnyj rasskaz kak zhanr // Problemy istoricheskoi poetiki. Petrozavodsk, 1992. Vyp. 2: Hudozhestvennye i nauchnye kategorii. S. 113–127. (In Russ.)
 12. *Hellman B.* Skazka i byl': Istoriya russkoj detskoj literatury. M., 2016. (Novoe literaturnoe obozrenie. Nauchnoe prilozhenie. Vyp. CLV). (In Russ.)